

Цзы Лянь уже успела столкнуться с Нин Цзэ в открытом бою и прекрасно понимала: его уровень развития ей не по зубам. Услышав ледяной тон юноши, она осознала — если не заговорит сейчас, он и вправду исполнит свою угрозу и разрушит её основу.

Для идущего по Пути потерять силы — участь куда более горькая, чем сама смерть!

— Павильон Линхай! — выкрикнула Цзы Лянь, прежде чем Цзы Жун успела её остановить. — Мы ученицы Павильона Линхай! Не смей трогать нас!

— Цзы Лянь, как ты могла...

Цзы Жун замерла от страха, но втайне надеялась, что это громкое имя заставит Нин Цзэ содрогнуться. Однако её ждало разочарование: услышав название секты, тот лишь сильнее помрачнел, а он стал смотреть по-настоящему пугающе.

— Павильон Линхай... — протянул Нин Цзэ, и в его голосе, казалось, лязгнула сталь.

Он и предположить не мог, что так скоро встретит последователей тех, кто когда-то участвовал в его убийстве. В той роковой западне их было восемь, и одним из них был Мо Вэньтянь, глава Павильона Линхай. Именно он нанёс один из решающих ударов.

Нин Цзэ никогда не считал себя святым. Он не собирался прощать Мо Вэньтяня, как не собирался щадить и его учеников.

"Если я не отомщу, значит, эта жизнь дана мне напрасно".

— Нин Цзэ, Павильон Линхай тебе не по зубам! — к госпоже Ван наконец вернулся дар речи. Она поднялась с кресла, грубо оттолкнув Госпожу Чэнь, и зашипела: — Не думай, что раз выучил пару фокусов у Государственного наставника, то можешь помыкать нами! Когда придут люди из моей секты, ты за всё ответишь!

Нин Цзэ прикрыл глаза, усмиряя бурю в душе. Когда он снова взглянул на них, он стал выглядеть обманчиво мягким. Мать всё ещё была здесь, и он не хотел пугать её излишней жестокостью. Этим троим сегодня просто повезло.

Игнорируя вопли госпожи Ван, Нин Цзэ присел перед Цзы Лянь. Его рука метнулась вперёд: кончики пальцев, заряженные энергией Ци, точным ударом вонзились ей в живот, ровно на три цуня ниже пупка.

Цзы Лянь побелела как полотно. Она почувствовала, как её даньтянь словно проткнули раскалённой иглой. Духовная энергия, которую она по каплям собирала долгие годы, хлынула наружу, подобно воде из разбитого кувшина.

Всё было кончено. Культивация разрушена.

— Ты... ты же обещал... — прохрипела она, не веря своим чувствам.

— Обещал? И что же я обещал?

Точно так же, одним ударом, он лишил сил и Цзы Жун. Лишь после этого Нин Цзэ небрежным жестом вернул себе розовую ленту — артефакт пал в его ладонь, как послушная змея.

— Раз нет таланта, нечего и позориться, — бросил он. — Павильон Линхай... Мнят себя бог весть кем, а на деле — пустое место.

Госпожа Ван кипела от злобы, но, видя, как легко он расправился с её защитницами, благоразумно прикусила язык. Она уже собралась было пулей вылететь из комнаты, как её остановил негромкий голос:

— Я разве разрешал вам уходить?

Госпожа Ван замерла, побледнев.

— Что тебе ещё нужно?

— Как ни крути, ты должна извиниться перед моей матерью, — Нин Цзэ неспешно подошёл к ней. Он вежливо улыбался, но в его глазах застыл холод. — Учитывая наши «родственные» узы, я не стану припоминать тебе, как ты заставляла мою мать стоять на коленях во дворе в лютый мороз. И не буду бить тебя за то, что ты поднимала руку на меня. Просто скажи матери, что была неправа, признай свою злобу, и я отпущу вас всех на все четыре стороны.

Госпожа Ван до боли сжала край своего дорогого шёлкового рукава. Она дрожала губами от негодования.

"Я? Должна извиняться перед этой никчёмной женщиной?! Склонить перед ней голову?!"

Нин Цзэ выжидал. Он медленно достал из кольца летящий меч и небрежно щелкнул пальцем по лезвию. Звон металла отозвался в комнате зловещим эхом.

Госпожа Ван вздрогнула и с ужасом посмотрела на него.

— Ну что, матушка, ты надумала?

Стиснув зубы, госпожа Ван мелкими шажками подошла к Госпоже Чэнь и сухо выдавила:

— Сестра... Прости меня. Я была неправа. Я была полна злобы, я больше не посмею так поступать. Молю о прощении.

Каждое слово давалось ей с трудом, она едва не плакала от жгучего унижения. Вся её жизнь, привычка быть госпожой, которую родители носили на руках, протестовала против этого момента. Признать вину для неё было горше смерти.

Госпожа Чэнь, чья ненависть к этой женщине давно выжгла всё внутри, лишь мельком взглянула на неё с нескрываемым отвращением и сразу отвернулась. Ей не хотелось смотреть на неё ни секундой дольше.

Убедившись, что Нин Цзэ не собирается их задерживать, госпожа Ван вместе с искалеченными ученицами поспешила прочь.

Едва переступив порог, она увидела Нин Цзинхуна. Тот стоял в стороне, притаившись. Госпожа Ван мгновенно всё поняла: муж давно знал о возвращении сына, но трусливо дожидался финала, не смея вмешаться и защитить её.

Ярость захлестнула её. Она до хруста сжала платок в кулаке и громко фыркнула. Не смея сорваться на Нин Цзэ, она выместила злобу на Цзы Жун и Цзы Лянь:

— Чего плететесь?! Культивацию вам выжгли, а не ноги! Живее!

Она заставит его пожалеть. Нин Цзэ заплатит за этот день. Неужели он возомнил, что раз одолел двух девчонок, то стал господином мира? Выучил пару фокусов и забыл, кто он такой?

"Раньше я, Ван Цюянь, топтала вас ногами, и впредь буду топтать".

Вернувшись в свои покои, она сорвала злость на служанке, которая бросилась к ней с расспросами:

— Госпожа, что с вашим лицом! Позвать лекаря?..

Звонкая пощёчина заставила девушку пошатнуться.

— Какого ещё лекаря? И так позора не оберешься! Цзы Лянь, немедленно отправляйся к моему старшему брату. Расскажи всё. Пусть пришлет людей и убьёт этого щенка... Нет, пусть схватят его! Я сама хочу его пытать, медленно и со вкусом! И живо приготовь мне чай с лотосом, нужно унять этот жар в груди!

Она обвела слуг тяжёлым взглядом:

— Если хоть слово об этом выйдет за пределы комнаты — прикажу вырвать язык!

В комнате матери Нин Цзэ осторожно взял Госпожу Чэнь за руку. После вспышки гнева она выглядела изнеможённой и напуганной.

— Мама, не бойся, — мягко произнёс он. — Теперь я рядом.

Госпожа Чэнь посмотрела на сына. Он выглядел таким уверенным, будто для него не существовало преград. Обида и горечь, копившиеся долгие восемь лет, прорвались наружу. Она обняла сына и горько разрыдалась.

Где-то в глубине души она понимала: её мальчик больше не нуждается в защите. Возможно, теперь они будут видеться всё реже. Но какое материнское сердце не возрадуется, видя, как сын крепко стоит на ногах?

И всё же... ему ведь всего десять. Время игр и беззаботности...

"Это всё я, никчёмная мать, заставила его страдать", — думала она, вытирая слёзы. Взяв себя в руки, Госпожа Чэнь ласково спросила:

— Цзэ-эр, ты ужинал?

— Да, мама. Позволь мне помочь тебе собрать вещи. Тебе нужно отдохнуть.

Он не хотел, чтобы она утруждалась.

— Мы уходим отсюда. Больше мы в доме Нин не останемся.

Нин Цзэ понимал: Госпожа Ван так просто не сдастся. Она связана с Павильоном Линхай и обязательно попытается отомстить. Нужно было как можно скорее спрятать мать в безопасном месте.

Госпожа Чэнь всегда доверяла сыну и не стала спрашивать, куда они направляются.

— Я сама всё соберу. Присядь, я налью тебе чаю.

Тут она вспомнила, что выплеснула заварку в лицо сопернице, и неловко улыбнулась. Открыв шкаф, она принялась перебирать одежду.

Нин Цзэ давно заметил Нин Цзинхуна у дверей, но не удостоил его даже взглядом. Глава семьи нерешительно зашёл в комнату и негромко кашлянул. Нин Цзэ поднял на него глаза, сохраняя молчание.

Для него этот человек был чужим. Если к матери он испытывал благодарность, то к отцу — лишь глухое раздражение. Но, признавая кровное родство, Нин Цзэ не собирался сводить с ним счёты.

Госпожа Чэнь, увидев мужа, инстинктивно заслонила собой сына.

— Что тебе здесь нужно?!

Нин Цзинхун замер, видя её враждебность.

— Я слышал... Цзэ-эр вернулся. Пришёл повидать...

— Он мой сын. Какое тебе до него дело? — Госпожа Чэнь бросила одежду на кровать и достала пару матерчатых туфель. Не глядя на мужа, она обратилась к мальчику: — Цзэ-эр, примерь-ка. Я сама их сшила, посмотри, впору ли?

Нин Цзэ послушно принялся примерять обновку. Глава дома наблюдал за этой сценой, чувствуя себя лишним. Он всё ещё питал чувства к жене и сыну, но его благополучие целиком зависело от связей семьи Ван. В этом доме правила его жена, а он давно привык не перечить ей.

Когда-то он умолял Госпожу Ван позволить Госпоже Чэнь остаться, но после никогда не смел навещать их. Он видел, как она издевается над ними, но ему не хватало мужества даже на слово защиты. Даже отправка сына к наставнику была идеей жены, и он, зная, что это за человек, не посмел возразить.

— Как ты... за эти полгода? — Нин Цзинхун сделал шаг вперёд, но Госпожа Чэнь так полоснула его взглядом, что он тут же остановился.

— С ним всё хорошо, не твоя забота.

Нин Цзинхун замялся.

— У семьи Ван длинные руки... Вы не боитесь мести? Уходите подальше. Вот, возьми... тут несколько сотен лянов серебра. Я откладывал понемногу...

Все финансы в доме контролировала жена, и эти деньги были его единственным тайным запасом.

— В самый раз, мама. У тебя золотые руки, — похвалил Нин Цзэ, вставая и демонстрируя туфли. — Очень красиво.

Видя его ласку, Госпожа Чэнь снова едва не расплакалась.

— Мама, впереди только хорошая жизнь. Забудь всё, что было.

Он повернулся к отцу. Тот замер в ожидании.

— Господин Нин, — официально произнёс мальчик. — С этого момента у нас с матерью нет с вами ничего общего. Серебро оставьте себе. Вы с госпожой Ван — прекрасная пара, живите в мире и согласии до ста лет. И больше не беспокойтесь о нас.

Час спустя.

Цзы Лянь торопливо вошла в поместье Ван в западной части города.

— Мне нужно видеть старшего господина!

— Он занят! — слуга у дверей кабинета понизил голос и с любопытством уставился на бледную, пошатывающуюся девушку. — Что стряслось?

— Пусть входит, — раздался изнутри резкий, неприятный голос.

Цзы Лянь похолодела. Опустив голову, она вошла и низко поклонилась.

— Приветствую шишу Лю.

За столом сидел мужчина с хищным выражением лица. Он был настолько худощав, что казался обтянутым кожей скелетом. Рядом с ним расположились еще несколько молодых людей с высокомерными минами. Старший сын семьи Ван стоял подле них, не смея даже вздохнуть.

— Почему ты в таком виде? — прищурился мужчина.

— Шишу Лю... Нам с Цзы Жун разрушили культивацию.

Лицо мужчины исказилось. Он с грохотом ударил по столу:

— Кто посмел?!

— Цзы Лянь, рассказывай всё по порядку, — вмешалась сидевшая рядом симпатичная женщина, бросив на спутника предостерегающий взгляд. Глядя на дрожащую ученицу, она мягко добавила: — Говори, мы слушаем.

<http://bllate.org/book/17490/1712388>